

ТИПЫ ЖЕНСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ МИРОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Дзюба Алексей Юрьевич

студент магистратуры, Белгородский национальный исследовательский университет – НИУ БелГУ, РФ, г. Белгород

TYPES OF FEMALE CHARACTERS IN WORLD FICTION

Alexey Dziuba

Master's student, Belgorod National Research University - NRU BelSU, Russia, Belgorod

Аннотация. Предлагаемая вниманию читателя статья представляет собой опыт применения иудейско-богословской схемы анализа библейских персонажей на мировую литературу. В фокусе внимания автора – в первую очередь женские герои и образы. На основе вышеупомянутой схемы осуществляется попытка типологического разделения широко известных героинь самых разных литератур на три класса. Обсуждаются философские аспекты такого анализа, прослеживается связь между литературой и историей, историей и современностью.

Abstract. The article offered to the reader's attention is an experience of applying the Jewish-theological scheme of analyzing biblical characters on world literature. The author's focus is primarily on female heroes and images. Based on the above scheme, an attempt is made to typologically divide the widely known heroines of various literatures into three classes. The philosophical aspects of such analysis are discussed, the connection between literature and history, history and modernity is traced.

Ключевые слова: русская литература, зарубежная литература, теория литературы, литературоведение, художественный образ, литературный герой, архетип, экзистенция, сознание, типология, гендерная история, античность, иудаизм, литературное направление, литературный процесс, фольклор.

Keywords: Russian literature, foreign literature, theory of literature, literary criticism, artistic image, literary hero, archetype, existence, consciousness, typology, gender history, antiquity, Judaism, literary direction, literary process, folklore.

Со времён появления литературы, как особого вида искусства, было создано огромное число замечательных образов – мужских и женских персонажей, архетипов, богов и богинь, героев фольклора, популярной и массовой культуры, известных сегодня почти что каждому. Иногда мы даже сами не замечаем, как, зная тот или иной образ, мы на самом деле знаем своеобразного двойника или брата, отдаленного или близкого «родственника» какого-то другого образа или персонажа, разве что происходящего из другой, менее знакомой нам культурной традиции.

За то долгое время, что прошло со времён становления письменности и искусства слова, а вернее – даже ещё раньше – человечество выработало для себя определённые представления и гендерные установки о том, какие черты присущи женскому, а какие мужскому полу. Возможно, впоследствии с развитием литературы и ходом истории, они несколько претерпели незначительные изменения, ведь сегодня мы знаем, что пол и гендер – понятия более сложные, чем нам и нашим предкам казалось ранее – в исторические времена.

При беглом взгляде на бесчисленную галерею женских образов мировой художественной литературы у внимательного читателя невольно напрашивается закономерный вопрос: что общего у всех этих обаятельных характеров? Чем объясняются такие сближения и сходства, связи и параллели между ними? На какие группы их можно разделить? И так далее...

Фактически, настоящая статья и представляет собой ряд ответов на поставленные вопросы. Но прежде чем мы обратимся к сравнению более или менее хорошо известных героинь, хотелось бы сказать пару слов о богословской или скажем по-другому – религиозно-философской литературе, посвящённой ветхозаветным книгам на иврите. Дело в том, что в многовековой талмудической традиции толкования текстов иудаизма со временем сложилась традиция рассматривать действующих лиц книги Торы, особенно, т.н. «библейских патриархов» (Моисей, Иосиф, Иаков, Ной и т.д.) с точки зрения определённых критериев и особенностей их черт характера, которые, в сущности, могли бы быть присущи любому из них [14, с. 29]. Так, например, одних персонажей или праотцев Ветхого Завета богословская традиция снабжает чертами более активной, других же наоборот – более пассивной личности. Активность и пассивность в данном случае, по сути, означают большую или меньшую сознательность тех или иных героев, их способность или неспособность самостоятельно находить путь к Богу и противостоять влиянию извне. Так, например, Адам в данной терминологии будет относиться к *пассивным* персонажам, ведь на логичный вопрос Бога: «Не ел ли ты с дерева, с которого Я запретил тебе есть?» – он отвечает. – Жена мне дала». А жену, как помните, или Еву специально для Адама вылепил из его ребра сам Бог. Таким образом, ответственность за познание добра и зла Адам перекладывает с себя на Бога, что, с одной стороны, довольно логично, поскольку он «по образу и подобию» сотворен, а сам Бог – всезнающ. С другой стороны, опрометчиво, поскольку это сразу же вызывает взрыв гнева: «...ибо проклята земля за тебя...», «В поте лица твоего будешь есть хлеб», «...ибо прах ты и в прах возвратишься!» и т.д. Тут же в разговор он подключает и Еву, которой адресованы следующие слова: «в муках будешь рожать детей своих...». Что было дальше, думаю, большинство из нас знает. Итак, мы видим, что пассивное начало в Адаме – мужском персонаже, сразу же вызывает божий гнев. Это так ещё и потому, что активное начало пока что принадлежало только идее послушаться Бога, исходящей от змия.

Но в то же время мы здесь можем обнаружить и ещё одну – очень архетипическую идею не только всей духовной культуры, глубоко укорененной в человеческой психике и отраженной в разных видах искусства, традициях и обрядах, но к тому же присутствующей и в языке. А именно – это наделение мужского рода активным (деятельным) началом, а женского – пассивным, встречающееся, например, в русском и немецком языках. Например, слово «книга» – женского рода, поскольку она испытывает действие, а «циркуль» – мужского, поскольку он его совершает. Хотя встречаются и исключения.

Таким образом, и многочисленных женских персонажей разных исторических периодов, культур и литературных направлений мы предлагаем проанализировать по указанной выше схеме. Это значит, что в том или ином персонаже, героине или характере всегда можно будет выделить преобладающие «активные» или «пассивные» черты. Само собой разумеется, что будет и третья группа – как бы промежуточных типов, в которых черты «активности» и «пассивности» будут либо сложно переплетаться, либо сменять друг друга с преобладанием одних или других по ходу эволюции героини и развития действия в произведении.

Также следует оговориться, что «пассивность» вовсе не будет означать отсутствия какого-либо деятельного начала в герое или энергического (энергетического), активного характера ее личности. Разница с «активными» героинями будет в том, что активность пассивного персонажа (в рассматриваемом смысле) будет направлена, как правило, в разрушительное русло. В то же время, по аналогии с активностью мужского рода в языке, у активных женских героев нередко будут обнаруживаться «мужские» черты, например, такие как

«самоотверженность», «героический характер персонажа и его поступков», умение жертвовать собой ради какой-то благородной цели или идеи, непримиримость, принципиальность и т.д. То есть такие черты, которые условно можно назвать мужскими. При этом под героизмом мы будем понимать как раз героизм в смысле «Илиады» Гомера, когда персонаж способен приносить себя в жертву ради каких-то моральных принципов, чужих и близких людей, отвлеченных идей или просто, чтобы противостоять «злему», неправому началу [6, с. 95].

Анализировать персонажей предпочтительнее начать в хронологическом порядке их появления в мировом литературном фонде. Так, например, понятно, что Ева Ветхого Завета может быть отнесена именно к пассивным героиням [2, с. 18]. Хотя в буквальном смысле никакого разрушительного начала, и тем более каких-то персональных личностных качеств литературного героя, в силу специфики исторического периода ее появления, у неё пока что ещё нет. Далее, из той же культурной традиции, к пассивным героиням отчасти можно отнести и Лию – дочь Лавана, невольно поучаствовавшую в обмане Иакова. Среди других пассивных, также мало рефлексивных героинь более позднего времени можно отметить следующих: Навсикая, Ариадна, Федра, Гретхен, Кармен, Эсмеральда, Корделия (Кьеркегора) и т.д.

Поскольку к пассивным персонажам относятся, как правило, менее сознательные характеры, они зачастую очень чувствительны и склонны переносить свою реакцию на события вовне. Они более зависимы от внешнего влияния и поступков мужского персонажа. Поэтому и особенно сильно переживают предательство своих чувств, откуда уже и происходит их разрушительное начало. К таким героиням относятся, например, жена фараона Потифара, Иродиада, Медея, Клитемнестра, Леди Макбет [10, с. 1]. Их разрушительное воздействие направлено вовне, на других персонажей, но не всегда губительно для них самих.

Менее близка к ним гомеровская Елена. Ее перемену к мужу и любовь к Парису можно приписать то ли невниманию Менелая, который постоянно в походах, то ли чарам Афродиты, которым невозможно противостоять (в этом, собственно, и проявляется ее пассивность) [6, с. 99]. Немного иной тип пассивной героини представляет Дидона – ее разрушающая энергия направлена на себя (ср. с Эммой Бовари, Бланш Дюбуа, Бедной Лизой, Катериной из «Грозы», Анной Карениной, Элен Курагиной и т.д. и т.п.) [4, с. 50]. Возможно, подобные черты принадлежали и лирическому герою Э. Дикинсон, М. И. Цветаевой и других поэтов, в котором на первый план выходят, конечно, именно активные качества личности [7, с. 112].

Особый, но тоже тяготеющий к пассивному тип, представляют из себя т.н. «тургеневские девушки» русской литературы (Татьяна Ларина, Княжна Мери, Наташа Ростова, Ася, Ольга Ильинская, Лариса Огудалова, Аглая из «Идиота», Екатерина Туркина (Котик) и Ольга Ивановна из рассказов Чехова и т.д.) Фактически, вариациями «тургеневских девушек» станут и последующие образы героинь Бунина и Набокова (Оля Мещерская, Машенька, Лолита и др.).

Особое место, но пока ещё также в рамках данного типа, отводится двум героиням «Тихого Дона» Шолохова, напоминающим не только Лию и Рахиль, но скорее даже Брунгильду с Кримхильдой «Песни о Нибелунгах» [16, с. 103]. Рахиль в данном случае правильнее вообще отнести к активным героиням, о которых мы поговорим ниже. Ни Аксинья, ни Наталья не обладают «активным сопротивлением», в плане активного сопротивления обстоятельствам и направленному по отношению к ним «злу». А в ходе развития действия романа и та, и другая героиня обнаруживают те же разрушительные черты, обращенные то ли на себя, то ли к другим героям. То же можно сказать и о средневековой «Песни о Нибелунгах», где соединились средневеково-библейские представления о греховном начале, исходящем от женщины, с новой куртуазно-рыцарской культурой служения даме эпохи XIII века [11, с. 10].

К тому же, не лишним будет упомянуть, что многие исторические личности и реальные лица в наше время давно уже стали рецепциями в кино, современной литературе и постфольклоре и, таким образом, тоже превратились в художественные образы. К одному из таких исторических деятелей относится последняя королева Франции – Мария Антуанетта, чей образ в кино также снабдили чертами «пассивной» героини. Если мы говорим, например, о Жане д'Арк, то у неё есть воплощения как в виде активного, так и пассивного персонажа [5, с.

36]. В русской истории судьбу подобных девушек мы находим в биографии княжны Таракановой, ставшей героиней знаменитой картины. Список можно продолжать.

Теперь обратимся к следующему классу – «активных» героинь. Их аллея не менее продолжительна и богата яркими образами. Как и в первом случае, их также можно объединить по ряду общих, созвучных особенностей судеб, характеров, степени «активности» персонажа.

Активность героинь, как и в случае библейских патриархов, также проявляется по-разному. Одни лучше переносят трудности и невзгоды судьбы, возможно, воспринимая их как некие божьи испытания. Само собой, в образной специфике «активных» женщин много утопического, нереального, идеального. Нередко, кажется, что в черты характера той или иной героини автор словно привнес свои собственные штрихи, вложил в ее уста свои размышления и мысли. Тем не менее, как ни странно, мы довольно часто можем встретить персонажей и того, и другого типа у одного и того же писателя.

Если брать более постоянных, противостоящих «злу», либо искушениям судьбы дам, именно так воплощающих свое активное начало, т.е. как активное сопротивление «змию» в ситуации Евы, то среди них, конечно, окажутся: Рахиль, Сарра, Андромаха, Пенелопа, Тоня из «Доктора Живаго», княжна Марья из «Войны и Мира», Джейн Эйр, Вера («Герой нашего времени») некоторые героини Бунина и т.д. [3, с. 21]. Впрочем, некоторые из этих характеров уже напрямую ассоциируются с идеями преданности и верности мужскому герою или самим себе (Джейн Эйр, Вера, Пенелопа, Тоня, буниновская Надежда – хозяйка постоянного двора). В этом смысле они сопоставимы с другой группой образов, как правило, олицетворяющих идеалы материнской любви или любви к родине (партизанки, образы женщин-исторических деятелей).

Однако активная природа таких женщин может проявляться и с другой стороны, – как способность к самопожертвованию, героизм и высокая самосознательность. Фактически, последнее качество можно назвать и мудростью, и прозорливостью, и житейским опытом, умением управлять собой и своими подчиненными, даром предвидения, смекалкой, способностью понять необычного мужского персонажа, каким является романтический герой, например, и т.д. Названий может быть сколько угодно много. Но сразу видно, между прочим, что к категории таких девушек следует отнести: богиню Афины, Василису Премудрую, фею-крестную Золушки, Вельву «Старшей Эдды», парок древнеримской мифологии, царицу Савскую, Шахерезаду, отчасти княгиню Ольгу, образы русских императриц в поэзии Державина и Ломоносова и т.д. [15, с. 1]. Иными словами, женщин, олицетворяющих мудрость, направленную, как правило, во благо. Даже Ева, как помните, стремилась именно к познанию, т.е. к отделению человека от природы, и логично предположить, что весь этот комплекс представлений в нашем сознании должен восходить корнями к эпохе палеолита и элементам матриархата тех отдаленных времен.

С другой стороны, не менее примечательная черта таких персонажей, отчасти сопряженная с мудростью, – это способность пойти на сознательный риск. Это героини, приобретающие героические качества личности и реализующие их даже в условиях опасности, невыгоды, гибели для себя. Это та же Пенелопа (возможны пересечения между условными группами), Антигона, Камилла – сестра Горация, христианские святые и великомученицы, Ирина, вышедшая святого Себастиана, Джульетта, Покахонтас (по крайней мере ее рецепция из мультфильма), Джейн Эйр, Соня Мармеладова, Маргарита – Булгакова, Анна Погудка и образы революционерок (комсомолок) советской литературы (см. например «Молодая гвардия»), не говоря уже о многих исторических прототипах таких женщин (жены декабристов, народовольница Вера Засулич, Софья Перовская, Шарлотта Корде). Да, иногда такие героини переступают через «добро и зло», но это не отменяет активного начала в их образе.

И, наконец, есть в целом как бы идеальные, положительные («чистые душой») персонажи, не переступающие через добро и зло, и вместе с тем не отличающиеся чудесной мудростью. Вместо этого они способны правильно сделать нравственный выбор в нужный момент, в связи с чем их в целом можно охарактеризовать, как экзистенциальных, сознательных героинь. Они также обладают своего рода созидательной жертвенностью, возможно, в «ущерб» себе, но ради

другого. К ним относятся Дева Мария (Богородица), Мария Магдалина, Золушка, Изольда, Корделия, Джульетта, Джейн Эйр, Русалочка Андерсена и другие девушки из народных сказок, например, из русской сказки «Морозко». К ним же, кстати, принадлежит и Маша Миронова – капитанская дочка Пушкина [12, с. 202]. Для неё характерна тесная связь с предшествующим поколением, семейными ценностями и идеей преемственности «отцов и детей». Те же качества есть у Пенелопы и Андромахи, а также у многих идеализированных образов матерей (например, Наташа Ростова, несмотря на свою «пассивность» в начале «Войны и мира»). С образом матери также ассоциируется Венди Дарлинг из «Питера Пена» Барри Джеймса; бездомные мальчики называют ее своей мамой. Впоследствии она становится матерью на самом деле.

Итак, мы видим, что какие-то героини занимают как бы двойственное, промежуточное положение между активными и пассивными группами. Так, Наташа Ростова как бы учится чертам активного героя по ходу развития сюжета романа. Венди соединяет в себе два мира – реальный, связанный с ее домом, и фантастический – с Питером и Нетландией [1, с. 199]. Среди других подобных персонажей Нора Хельмер из «Кукольного дома», проявившая хитрость, как мудрая героиня, до начала развития событий пьесы и в то же время ушедшая от мужа и детей в финале [9, с. 14]. Сюда же относятся героини, воплощающие архетип «кающейся грешницы»: Мария Магдалина, отчасти княгиня Ольга, принявшая христианство перед смертью и жестоко отомстившая за мужа в молодости. Черты переходного типа мы находим у Настасьи Филипповны Достоевского – ее своеобразную хриstopодобность, жертвенность в сочетании с судьбой «падшей женщины» [8, с. 200]. Героини романов Бальзака также являются примером жертвенности и материнского отношения к мужскому герою в зрелом возрасте, чего, вероятно, они не обнаруживали в юности. Наконец, к ещё одной представительнице смешанного типа героинь на наш взгляд следует отнести Матрену из знаменитой повести Солженицына [13, с. 11].

Таким образом, подводя итог применению этой довольно условной схемы деления женских персонажей на два больших класса, позаимствованной нами из иудейского богословия, можно отметить, что не все героини зарубежной и отечественной литературы безупречно вписываются в ее рамки. Иногда наоборот. Можно упомянуть еще несколько образов, проанализировать которые предлагается самостоятельно: Офелия, Маргарита Готье, Анна Сергеевна Одинцова, Беатриче, Снежная королева, баба Яга, Злая мачеха, Спящая красавица, Дюймовочка, Красная шапочка, Джейн Портер (подруга Тарзана), миссис Дэллоуэй, всевозможные лисицы, вороны, стрекозы, старухи из басен и сказок... Можете продолжить этот ряд своими собственными именами, по выбору. Читателю предлагается самостоятельно поразмышлять, насколько точно та или иная героиня может считаться «активной» или «пассивной», «мужской» или «женской». Какие черты в ней в большей степени преобладают, преобладают. Ещё интереснее, что подобного рода деление можно было бы с легкостью применить (с высоты сегодняшнего дня) ко многим реальным лицам и деятелям истории, политики, искусства, науки, культуры. Ведь помимо художественного вымысла в книгах Ветхого Завета, на которых это деление осваивалось, преобладает историко-хроникальный стиль изложения. А это значит, что и каждый из нас может задать себе такого рода вопрос: к какому же разряду перечисленных выше героев отношусь именно я?

Список литературы:

1. Барри Д.М. Питер Пэн и Венди: / пер. с англ. Н. Демуровой; стихи в пер. Д. Орловской. – Москва: Махаон, 2010. – 204 с.
2. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета с параллельными местами и приложениями: в синодальном переводе. – Москва: Никея, 2016. – 1592 с.
3. Бунин И.А. Темные аллеи. – Москва: Высш. шк., 2004. – 292 с.
4. Вергилий. Энеида / коммент. акад. М. М. Покровского. – Москва: Изд-во лит. на иностр. яз., 1946. – 78 с.

5. Вольтер. Философские повести; Орлеанская девственница / пер. с фр. Н.С. Гумилёва под ред. М.Л. Лозинского. – Ленинград: Худож. лит.: Ленингр. отд-ние, 1988. – 428 с.
6. Гомер. Илиада / пер. Н. И. Гнедича. – Москва: Гослитиздат, 1960. – 435 с.
7. Дикинсон Э. Стихотворения. Письма / пер. А. Гаврилова. – Москва: Наука, 2007. – 549 с.
8. Достоевский Ф.М. Идиот. – Москва: Эксмо, 2006. – 637 с.
9. Ибсен Г. Кукольный дом / пер. с норв. А. и П. Ганзен. – Москва: Эксмо, 2011. – 252 с.
10. Медея [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Медея/> (дата обращения: 15. 02. 2024).
11. Песнь о Нибелунгах. – Санкт-Петербург: Наука, 2004. – 342 с.
12. Пушкин А.С. Капитанская дочка / изд. подготовил Ю. Г. Оксман. – Москва: Наука, 1964. – 284 с.
13. Солженицын А.И. Матренин двор: рассказы. – Москва: Детская лит.-ра, 2006. – 220 с.
14. Телушкин Й. Еврейский мир: Важнейшие знания о еврейском народе, его истории и религии. – Москва : Лехаим; Иерусалим: Гешарим, 1997. – 574 с.
15. Фелица [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://ilibrary.ru/text/1271/p.1/index.html/> (дата обращения: 15. 02. 2024).
16. Шолохов М.А. Тихий Дон: Роман в 4 кн. – Москва: Худож. лит., 1968. – 2 т. – (Б-ка всемирной литературы. Серия третья. Литература XX в.). – Т.1. – кн. 1-2. – 1968. – 687 с.